

Николай ОЦУП

Об Андрее Белом *

К 50-летию со дня рождения

— Что победило в России? Не будем ломать голову над этим. Позвольте лучше сымпровизировать миф.

Сначала поднялось чувство — Керенский, и бездна прогрохотала: нет.

Потом воля — Корнилов, и бездна прогрохотала: нет.

Наконец поднялось нечто третье — сила жизни, и бездна прогрохотала: да!

Так как под силой жизни Андрей Белый разумеет большевиков, аудитория Дома Искусств безмолвствует. Для присутствующих в зале коммунистов образы знаменитого символиста слишком темны и сложны, для некоммунистов — чужды.

Председатель объявляет перерыв.

Белый искательно устремляется к Блоку.

— Ну, как, Саша, очень плохо?

Блок улыбается добродушно и смущенно.

— Да нет же, совсем не плохо.

Рядом с чуть-чуть деревянным, спокойным и отсутствующим лицом Блока еще резче выступает нервное, страстно оживленное и беспокойно пытливое лицо Белого. Как не выделить из тысячи страстную фигуру лектора с растрепанными седеющими волосами вокруг плечи, прикрытой черной ермолкой, с разлетающимися фалдами сюртука и с широко отставленными от туловища руками².

Белый держится, наклоняясь вперед, под углом, как будто сейчас побежит на собеседника.

Если бы скульптор хотел создать аллегорическую фигуру под названием «Беспокойство», он мог бы, ничего не прибавляя, лепить Белого.

* Отрывки из книги воспоминаний, подготовленной к печати и выходящей в ближайшее время в издательстве «Чисел»¹.

вот приблизительно главные слагаемые сочинений этого писателя.

В сумме получается некая очень значительная дробь, но не целое число. Какого-то слагаемого Белому не хватает.

Какого?

Вероятнее всего: внимания к реальности.

Часто «презренным» бытовикам удается уловить и запечатлеть простейшее дыхание жизни.

Белому это удается очень редко. Только говоря о России, он почти всегда находит слова, «ударяющие по сердцам».

Поезд плачется: в дали родные
Телеграфная тянется сеть,
Пролетают поля росяные,
Пролетаю в поля: умереть.
Пролетаю: так пусто, так голо!
Пролетают — вон там, и вот здесь
Пролетают: за селами села...
Пролетают: за весями весь...⁴

Удивительна для Белого простота этих строчек. Обыкновенно у него все сложно и вычурно. Играющий на рояли — яркает грацией, яркой градацией; сумасшествие для Белого — «с ума шествие», «нисхождение голубя Я на безумное».

Но приводить примеры, подобные этим, значило бы выписать почти всю прозу этого сложного и подчас утомительного писателя.

Мучительно было встречаться с Белым в Берлине⁵. По многим причинам он был еще растеряннее, чем обычно. Чтобы заглушить очень сложные и мучительные огорчения и сомнения, Белый пустился плясать фокстроты. Причины этих его увлечений танцами были многим понятны, и никому не приходило бы в голову смеяться, если бы он пытался объяснить свое «веселье» какими-то высшими соображениями.

По словам Блока, Вячеслав Иванов, чтобы повернуться на стуле, должен был обязательно как-то по-особому объяснить свое движение.

О Белом сказать то же самое было бы еще справедливее. В этом мне пришлось удостовериться в Берлине.

В двух залах танцуют. За грохотом джазбанда едва слышишь слова собеседника.

Мелькают лица солидных толстяков, оттанцовывающих фокстрот, проносятся фигуры женщин: типичные берлинские фигуры могучих Амалий и Марихен.

Внезапно в толпу танцующих из соседнего маленького зала входит, почти вбегает странный человек с лицом безумным и вдохновенным. Его длинные полуседые волосы вьются вокруг

большой лысины, он разгорячен и бежит к буфету, наклоняясь вперед всем телом и головой и улыбаясь своей медовой чуть-чуть сумасшедшей улыбкой.

Не успевает он пристроиться к буфетной стойке, как рядом с ним появляются две Марихен⁶. Они хватают его с двух сторон за руки и кричат:

«Herr Professor, Herr Professor, aber kommen sie doch tanzen...» *

Белый (это он), не успевая освежиться лимонадом, вновь бежит танцевать.

По дороге он замечает наш столик и, на минуту оставив Марихен, присаживается к нам.

— Удивляетесь, что я танцую? — спрашивает он.

— Да нет, нисколько, это вполне естественно.

— Может быть, но я полюбил эти танцы, потому что в них дикий зов древности, разрывы времен, вы понимаете?

Ничего у Белого не просто. В самом деле, и на стуле не может повернуться просто так, чтобы повернуться. Непременно по самым высоким соображениям.

Белого можно бы назвать олицетворением переходной эпохи. Он успевает всего коснуться, но не успевает быть хозяином одной какой-либо идеи, одного чувства.

Все мелькает перед ним и в нем. Он слишком многих понимает, слишком многому сочувствует: всюду умеет оставить частицу своего «я», но собрать в одно целое разбросанные и разрозненные частицы этого «я» ему не удается.

Футуристы учились у Белого.

Формалисты обязаны ему своим существованием.

Стилистические новшества нынешних Пильняков — подражание Белому.

Но разве не трагична судьба большого писателя, творчество которого стало лишь материалом для новых поколений?

* «Господин профессор, господин профессор, идите же танцевать...» (нем.).